

ДМИТРИЙ МАСЛОВ

ГУРАМ, ДИЖОН и «ПАПА»

РАССКАЗ

Осень. Утро. Рота.

Мерзбург.

Осень.

Холодно, по-немецки сыро, слякотно.

И хотя еще до зимы далеко, по ночам уже немного подмораживало, а на утро на зеленой пока траве и листве серебрился иней.

Старший лейтенант Рудаков выбежал из ДОСа, на ходу застегивая китель.

Сегодня он начинал исполнять обязанности командира учебной роты.

- «В пятый раз уже, - подумал Рудаков, - только бы в этот раз без приключений».

Быстрым шагом, миновав КПП, понтонёров и летунов старший лейтенант достиг знакомых ступенек крыльца «учебки».

На нижней ступеньке ВРИО командира приветствовал дежурный по роте сержант Ямалатдинов.

- Здравия желаю, товарищ командир!

«Здравия желаю! – Рудаков резко приложил ладонь к козырьку фуражки. - Сколько раз тебе говорить Ямалатдинов, не командир, а товарищ старший лейтенант?»

- Виноват, товарищ старший лейтенант, забыл.

- И встречать меня надо не на крыльце, а в роте и при встрече меня подавать команду – смирно! Сколько раз тебе говорить, Ямалатдинов?

«Товарищ майор Эпельман, так завел, чтобы не будить всех. Виноват, товарищ старший лейтенант», - оправдывался Ямалатдинов, поднимаясь вверх по ступенькам вслед за Рудаковым.

«Так в этом и есть главный смысл», - раздражался старший лейтенант уже не на шутку.

«Какой главный смысл?» – Спросил сержант, протискиваясь в дверной проем следом за Рудаковым.

«Чтобы все проснулись, понял? – Воскликнул Рудаков и уже криком повторил, – понял?»

«Понял! – Закричал Ямалатдинов и после паузы секунд в десять, наконец поняв что-то, прокричал. – Смирно!»

«Вольно!» – выдохнул старший лейтенант Рудаков и ушел в канцелярию.

Майор Эпельман.

Командир учебной шестой роты, майор Эпельман Борис Сергеевич страдал всевозможными недугами, многие из которых были надуманными, некоторые настоящими.

Майор Эпельман хотел научиться правдоподобно и вовремя имитировать надуманные недуги, чтобы предупредить обострение настоящих.

Иногда ему это удавалось, иногда – нет.

Когда имитация или симуляция удавалась, Эпельман исчезал из полка на несколько дней или недель подлечиться от надуманной болезни.

Когда имитация не удавалась, он хворал самым настоящим образом, что также требовало его выздоровления за пределами части.

Чаще всего майор Эпельман «заболевал» накануне проверок или инспекций, проводимых командиром полка полковником Косолаповым.

Иногда Эпельману удавалось предчувствовать и проверки, и инспекции загодя.

Как ему это удавалось покрыто тайной. Иногда не удавалось.

«Душа Владимира Александровича Косолапова, для меня потемки!» – говорил частенько Борис Сергеевич жене за чашечкой утреннего кофе.

Как вы сами уже, наверное, догадались, если все-таки проверка или инспекция заставляла Эпельмана врасплох, он заболевал по-настоящему.

И по-настоящему - это значит заболело сердце и вообще вся сердечно-сосудистая система, а сердечно-сосудистая система Бориса Сергеевича очень остро реагировала не только на замечания командира полка Косолапова, но и на теоретическую возможность замечаний.

Так или иначе, Эпельман частенько отсутствовал, а его обязанности каким-то часто малообъяснимым образом исполнялись командиру

третьего взвода старшему лейтенанту Рудакову, что тот, надо сказать, не всегда с охотой, но всегда с успехом исполнял.

Дижон и Рыбки.

День, о котором мы ведем повествование, мало чем потенциально мог бы отличаться от других таких же рутинных дней в жизни полка, но как вы понимаете, день дню рознь.

А раз майор Эпельман, командир учебной шестой роты внезапно, в пятый раз за полгода заболел, значит он не просто так заболел, значит интуиция его, Эпельмана не подвела.

Так и работает известный всем со школьной скамьи закон сохранения энергии. Или примерно так.

В двух словах, применив к нашей ситуации, если где-то энергии убыло, то где-то ее в том же количестве прибыло.

У Эпельмана убыло, у Рудакова прибыло.

Жаль только, что энергия эта исходит, как правило, от командира полка Косолапова, да и не энергия, а скорее «гром и молнии».

Грозное, свинцовое, серое небо над плацом не предвещало ничего хорошего.

На плацу шел утренний развод.

Все, как обычно.

Барабанный бой.

Топот сапог по бетону плаца.

Смена уходит на боевое дежурство.

Роты уходят по своим подразделениям, в казармы.

Учебная рота в самом конце вереницы рот тоже уходит в казарму.

На повороте с плаца влево в сторону казармы бойцам из учебки кажется, что «папа» чеканит шаг, переваливаясь с боку на бок, следом.

На повороте с брусчатки направо к казарме уже не только бойцам, но и офицерам шестой роты совсем не кажется, что «папа» и впрямь идет за ротой.

ВРИО командира роты старший лейтенант Рудаков отличался отменным знанием воинских премудростей, особенно в смысле субординации.

Он громким приказом остановил роту.

- Ро-о-о-та! С-той! Сми-и-и-р-но! Равнение, на-а-а ле-е-во!

Отдав команды, Рудаков, как заводной солдатик, сделав нужные повороты, зашагал к Косолапову.

«Товарищ полковник! Учебная рота...» - начал было докладывать Рудаков, как полковник прервал его громким кряхтением.

«Ы, Ы, у-у-у. Показывай, как у тебя бойцы в роте отдыхают!» – приказал Косолапов и решительно шагнул на ступеньку крыльца.

«С чего это, вдруг!? Не понял!» - Хотел произнести Рудаков, но не произнес и проследовал за «папой».

Вошли друг за другом в казарму.

Смирно!

Вольно!

Поднялись на второй этаж, где прямо напротив лестничной клетки комната психологической разгрузки, комната отдыха по-простому.

Трое встали в широком открытом проеме.

В центре Косолапов.

По бокам в пол тела, боком, то есть, Рудаков и под мышкой у «папы» с другой стороны дежурный по роте Ямалатдинов, который на вторые сутки, как всегда, напросился еще на крыльце перед разводом.

«Старшина, где? Ы, Ы, у-у-у! – Прокряхтел «папа» и, сделав характерный и всем в полку знакомый жест, добавил, - кончу!»

Слово «кончу» Косолапов произнес мягче обычного и поэтому у присутствующих закралась надежда, что «кончит» он только старшину.

Буквально через две, ну может три секунды в «папину» спину врезалась козырьком, «шитая» по последней моде фура старшины учебной роты прапорщика Горгиладзе.

Застегнутый на все возможные на кителе пуговицы, перетянутый портупеей Горгиладзе пролез между Косолаповым и Рудаковым, лихо перевернулся и, стоя лицом к «папе», отрапортовался.

После рапорта, не дожидаясь указаний, прапорщик, удивительным образом осознав цель «папиного» визита, перешел на кавказский вкрадчивый говорок: - «Попугайчик совсем сдох вчера. Рыбки тоже не жильцы оказались, за ним ушли».

- За кем ушли? Ы, Ы, у-у-у.

- За попугайчиком.

- Куда ушли? Ы, Ы, у-у-у.

- Ну сдох, говорю и они сдох.

- Все? Ы, Ы, у-у-у.

- Все. Арахис жрет гад и каждый раз *подавливайся* и сдох.

- Рыбки тоже арахисом подавились?

- Зачем *подавливай...лись*? Рыбка арахис не ест. Она грустно стала без Дижона.

«Какого на хер, Дижона? Ы, Ы, у-у-у!» – Командир начинал терять остатки терпения.

«Попугай так зовут – Дижон. На горчицу похож!» – Горгиладзе скривил рот, чтобы яснее подчеркнуть схожесть волнистого попугайчика с дижонской горчицей.

Пока продолжалось это филологическое сражение между командиром полка полковником Косолаповым, выпускником двух академий и старшиной учебной роты прапорщиком Горгиладзе выпускником Кутаисского автодорожного техникума, стоящий в проеме старший лейтенант Рудаков давился от беззвучного смеха, а сержант Ямалатдинов тоже давился, но от страха, что ему точно достанется по полной, и за попугайчика, и за рыбок, и за арахис с горчицей.

Командир полка еще несколько раз крякнул, громко выругался в своей привычной манере, обращаясь как бы вообще ко всем в этой комнате, в казарме, в полку, в городе и далее до вселенского масштаба, развернулся и отправился наружу, на ходу бросив тоже как бы ко всем в этом мире, слова, которые ВРИО учебной роты старший лейтенант Рудаков почему-то принял на свой счет: «Завтра перед разводом чтобы все животные были на месте. Один в клетке, другие в аквариуме. Ы, Ы, у-у-у. Проверю сам».

«Есть, товарищ полковник!» – Воскликнул Рудаков и живо представил себя в клетке, а Горгиладзе и Ямалатдинова в аквариуме.

Казалось бы, проблема легко решается. Особенно в Германии, где можно купить все, даже попугая и аквариумных рыбок.

Но сегодня, как назло, был какой-то их местный праздник.

По праздникам, даже местным, все магазины в немецком городе закрыты.

Купить ничего нельзя.

Да и утром следующего дня, то есть завтра купить не удастся, так как магазины в этом немецком городе откроются не раньше 10 утра, а «папа» может заявиться в роту и в шесть, он ведь сказал – до развода.

«Что делать? Что делать? Хоть и впрямь самому в клетку лезть! – подумал про себя Рудаков, а в слух воскликнул. - Что делать-то, Гурам?»

«Ай, командир! Все сделаю! Отдыхай! Не думай! Гурам все как надо сделает!» – Вкрадчивым кавказским говорком пропел Гурам Горгиладзе и загадочно подмигнул.

«Ладно! Все равно другого варианта нет!» – Согласился Рудаков и отправился приступать к обязанностям ВРИО командира роты, вспоминая по пути майора Эпельмана и его мамашу, которую он, впрочем, никогда не видел.

Гурам, Фрол Иванович и Вова Устьянский.

Гурам Горгиладзе совсем не планировал становиться старшиной учебной роты.

Вообще-то в армии самостоятельно планировать не разрешалось.

По воинскому уставу за тебя планировал всегда кто-то другой, а ты обязан выполнять, то, что другой для тебя запланировал стойко и неукоснительно.

И все же прапорщик Горгиладзе планировал стать начальником склада, вещевого, но лучше, конечно, продуктового.

Он и приехал в полк по замене именно в качестве начальника склада. Правда склада ГСМ. А так как склад ГСМ перешел в наследство «местному», выращенному в полку прапорщику Горелову, то Горгиладзе ничего не оставалось, как претендовать на вещевой или лучше, конечно, продуктовый склад.

Но и тут вышла заминка.

На вещевом «окопался» армянин Гижларян, вроде тоже с Кавказа, но другой, если вы понимаете, что я имею ввиду. Да ему и до замены еще далеко.

Продуктовый освободится через несколько месяцев, можно и подождать, а пока Гураму предложили подменить старшину учебной роты Фрола Ивановича, который спешно уехал в Союз по семейным обстоятельствам.

Фрол Иванович, именно так в полку звали старшего прапорщика Задорного, старшину учебной роты.

Курсанты относились к нему с нескрываемой симпатией и обращались исключительно по имени отчеству.

Офицеры, включая старших офицеров, также при встрече именовали Фролом Ивановичем без званий и прочих формальностей.

Объяснялось это легко.

Фрол Иванович был самым старым в полку и выглядел соответствующе.

Командир полка Косолапов частенько закрывал глаза на «старческие» причуды старшины, тем более, что Фрол Иванович службу свою знал «от и до», чем и заслужил за долгие годы в армии уважение от солдата до генерала. И это не преувеличение.

Как-то бывалый сержант «учебки» Гена Ганович подшутил над новобранцем: «Прикинь, Фрол Иванович как с Первой танковой в Германию в 1945 заехал, так тут с тех пор и служит!»

Новобранец поверил сперва, но затем долго мучился сомнениями, все-таки больше сорока лет прошло с 45-го.

Не удержав сомнения внутри своего измученного строевой подготовкой молодого тела, спросил старшину: «Фрол Иванович! А вы правда участник Отечественной Войны?»

Пытливый курсант-новобранец оказался.

«Правда! – Ответил ничуть, не смутившись Фрол Иванович, - Отечественной! 12-го года! Тысяча восемьсот!»

Всякие сомнения у новобранца тут же пропали, и он сам себе пообещал поделиться этой сенсационной новостью с родителями ближайшим же письмом. Это ж надо!

Гурам Горгиладзе Фрола Ивановича никогда раньше не видел, так как был назначен старшиной, в то время, когда учебная шестая рота уже неделю выживала без старшины.

В первый рабочий день на новой должности Гурам заселился в каптерку, обжитую за долгие годы Фролом Ивановичем, походил по скупому освещенному одним единственным окошком полуподвальному помещению, полистал ведомости, учетные книжки, и вдруг обнаружил, что каптерка уже кем-то занята.

В углу за большим металлическим сейфом что-то зашевелилось из-за чего сейф немного закачался по сторонам, вначале показались сапоги, потом несколько мятая фигура, торчащая из этих сапог.

Гурам не успел произнести не слова, как фигура представилась: - «Рядовой Устьянский! Вова!»

Новоиспеченный старшина Горгиладзе хотел спросить: - «А ты кто? А ты зачем тут?»

Но не успел.

Устьянский Вова, как будто, прочитав мысли Гурама, ответил: - «Я Фролу Ивановичу помогаю! Он в Союз уехал, я за него!»

Так познакомились Гурам и Вова. Познакомились и спелись. Устьянский проникся к Горгиладзе какими-то совсем не армейскими чувствами и ходил за ним, как привязанный.

По началу Гурам стеснялся этой Вовиной привязанности, но спустя некоторое время махнул рукой.

Нормальный же парнишка, немного не такой как все, но безобидный.

От офицеров роты прапорщик узнал, что Вову Устьянского, попавшего по ошибке в полк, Косолапов распорядился оставить и направить в Учебную роту вечным помощником старшины.

«Жалко бойца! Отправим в другую часть, его там забьют! В учебке ему самое место!» - ответил Владимир Александрович Косолапов на чье-то предложение выдворить Устьянского из части.

Так и жил Вова Устьянский в учебной роте. Над ним, конечно, подшучивали, но не злобно, по-доброму.

Устьянский, пережив несколько смен курсантов в «учебке» стал буквально частью казармы учебной роты.

Его знали все в полку и защищали всегда от тех, кто его не знал.

Однажды в гарнизонной столовой на Вову, вставшего не в свою очередь, накинулся с кулаками солдат из дивизиона.

Все пять рот 253 ОРТП ОСНАЗ разом вскочили из-за столов и выстроились стеной, оградив Вову Устьянского от обидчика.

Очумевший от такой сплоченности, боец из дивизиона выскочил из столовой, передумав обедать.

Прошло три или четыре месяца.

Должность начальника продсклада освободилась.

Фрол Иванович задерживался в Союзе по семейным делам.

Гурам Горгиладзе оставался старшиной Учебной шестой роты.

Со свойственным, наверное, всем советским грузинам настойчивым обаянием, Гурам сразу влился в коллектив «учебки».

Буквально на следующий день после появления Горгиладзе в полку поползли слухи, что появился человек, который может все.

Всё – это всё.

Удивительно, но все эти слухи касались Гурама.

Он и впрямь в первые же дни в Мерзбурге как-то обзавелся знакомствами во всех частях гарнизона, во всех ДОСах, во всех военторгах и продовольственных и вещевых складах.

Везде у него были земляки, друзья, старые знакомые, родственники, родственники друзей, племянники знакомых.

Стоило Гураму выйти в курилку, как вокруг него в клубах папиросного дыма собирался кружок просителей, почитателей и просто слушателей.

Молодой лейтенант только что прибывший из училища к месту службы просил Гурама устроить его на жилье, но не в общежитие, по старой памяти, естественно.

Какой такой старой памяти, если они впервые встретились несколько минут назад в этой самой курилке в клубах папиросного дыма.

И Гурам обещал помочь лейтенанту.

Другой, не молодой и уже не лейтенант, а майор интересовался, где Гурам успел сшить такую модную фуражку и как бы ему майору тоже сшить такую.

И Гурам обещал помочь майору.

Помните, как у Чуковского – «и такая канитель, каждый день».

Жене капитана из дивизиона надо «подсидеть» жену подполковника из понтонеров и получить работу чапошницы в гарнизонной чайной.

И Гурам обещал помочь жене капитана из дивизиона.

Бойцу из Батуми, земляку как никак, давно из дома не пишет мама.

И Гурам обещал помочь с мамой.

Капитана разведчика назначили на должность начальника клуба, а бывшего начальника клуба майора назначили на КП.

И Гурам обещал разобраться и с капитаном, и с майором. Есть у него двоюродный племянник троюродного дяди сводной сестры в строевой части.

Майор Супонькин, спортивный организатор полка где-то потерял две 24 килограммовые гири.

И Гурам обещал помочь Супонькину разыскать гири.

Да, и еще Гурам обещал посодействовать в самое ближайшее время присвоению Вове Устьянскому звания ефрейтора.

Надо сказать, что командир учебной роты майор Борис Сергеевич Эпельман смотрел на деловую активность нового старшины сквозь пальцы.

В полку это объясняли тем что дескать Гурам с Эпельманом или с женой Эпельмана не то земляки, не то дальние родственники.

Неисповедимы пути твои, Господи.

Рыбу заказывали?

Как вы видите, ВРИО командира учебной роты старший лейтенант Рудаков Андрей Иванович предполагал, что Гурам и впрямь решит вопрос с рыбками и попугаями и предполагая, забыл в служебной рутине о том, что Косолапов придет не через неделю, а завтра, утром, до развода.

Наступило завтра.

Наступило завтрашнее утро, если русский язык позволяет нам такую лингвистическую конструкцию.

Рудаков проснулся, умылся, оделся, позавтракал, поцеловал спящую жену и почему то, резко вспомнил о рыбках, попугаях и Косолапове.

«Забыл! Опоздал!» - только и смог подумать в ужасе Рудаков, выбегая из ДОСа.

Быстрым шагом, миновав КПП, понтонёров и летунов старший лейтенант достиг знакомых ступенек крыльца «учебки».

По ступенькам спускался, выйдя из казармы командир полка Косолапов.

Рудаков вытянулся, вниз, не достигнув первой нижней ступеньки, вскинул ладонь к козырьку и подавившись воздухом, наполнившем горло, не смог вымолвить ни слова.

Косолапов, глядя на ВРИО командира учебной роты сверху вниз, с верхней ступеньки, крикнул: - «Ы-ы-ы. У-у-у».

Махнул рукой и добавил: - «Будешь жарить, позовешь!»

Командир полка спустился по ступенькам и мимо стоящего с прижатой ладонью к козырьку Рудакова, проследовал в офицерскую столовую, завтракать.

Минуту, не больше, стоял Андрей Рудаков ВРИО командира учебной шестой роты на нижней ступеньке крыльца, а в голове его проносились слова Косолапова: - «Жарить! Жарить!» и крикание: - «Ы-ы-ы. У-у-у».

Еще за эту минуту, не больше, пронеслась вся жизнь, все мечты и надежды.

«Ни жизни теперь, ни мечты, ни надежды!» - Воскликнул про себя Рудаков, вышел из оцепенения и стремглав бросился к дверям казармы, по лестнице, через две ступеньки на второй этаж, в комнату отдыха.

Из центра комнаты из маленького круглого глобуса аквариума на старшего лейтенанта Рудакова таращились две пары огромных рыбьих глаз.

Два больших карпа мерно покачивались, заполнив собой аквариум, привязанные леской за плавники с опущенными на дно гирьками от кухонных весов.

Рыбья чешуя липла к стеклу аквариума, жабры жадно перемалывали забортную воду.

Картину дополняли ефрейтор Устьянский и прапорщик Горгиладзе щедро сыпавшие щепоть за щепотью в воду то ли пшено, то ли опилки.

«Карпы из офицерской столовой» - подумал Рудаков.

«Карпы из офицерской столовой» - прошептал Гурам, словно боясь, что вышедший из казармы Косолапов услышит.

«Командир был очень довольный, товарищ старший лейтенант!» - не отрываясь от процесса кормления рыбин вкрадчивым кавказским говорком пропел Гурам.

Как только Рудаков пришел в себя и собрался хоть что-то сказать, хоть и не знал еще точно, что он собирался сказать, в углу комнаты отдыха, слева от аквариума из клетки донесся знакомый по деревенскому детству утиный вопль «Кря, кря».

«Я его Дижончиком назвал! От кота спас!» - тем же вкрадчивым кавказским говорком пропел Гурам.

«Утка из пруда рядом с домом офицеров» - подумал Рудаков.

«Утка из пруда рядом с домом офицеров» - опять прошептал Гурам, словно боясь, что вышедший из казармы Косолапов опять услышит.

Карпы выкатили глаза от недостатка кислорода в аквариумной воде. Утка, крашенная латексной оранжевой краской, крякала словно на смертном одре.

Устьянский и Гурам продолжали процесс кормления издыхающих рыбин.

Рудаков стоял тихо, прислонившись к косяку проема.

Тоненькая струйка теплого пота медленно скатывалась по бритой утробе щеке Рудакова и также медленно капала на паркет.

Сержант Ямалатдинов заступил на вторые сутки.

Учебная шестая рота приступила к занятиям в классах.

Жизнь продолжалась.

Мечты сбывались!

Надежды обнадеживали!

(Использована история, рассказанная А.И.Рудаковым)

Мерзбург, 2023 год